

Дорн, как и все жители деревни, пытался помочь беженцам, но в каждом его движении, в каждом слове, что он произносил, сквозила скрытая тревога, которую невозможно было отогнать. Он наблюдал за тем, как люди, сломленные и потерянные, принимали помощь — скромные кровати, еду, тёплую одежду — но ничто из этого не могло вернуть им то, что они потеряли: их покой, их уверенность в завтрашнем дне. Лица беженцев, искажённые горем и усталостью, словно отражали в себе возможное будущее каждого жителя деревни. Взгляды жителей всё чаще останавливались на этих измученных людях, и вопрос, который был у всех на устах, но никто не осмеливался задать, звучал в их сердцах: "А что, если это случится с нами?"

С каждым днём страх всё глубже проникал в сердца. Беженцы из разрушенной деревни Лайи, Лирвельда, были живым доказательством того, что жизнь может измениться в одно мгновение. Дорн, хотя и старался сохранять спокойствие, не мог избавиться от мысли, что тёмные тучи беды уже надвигаются на его дом. Он видел, как страх словно туман опутывает улицы деревни, проникая в души людей. Он знал, что это был не просто страх перед врагом — это был страх перед чем-то, что они не могли понять и не могли контролировать. Беженцы были символом того, что угроза может быть не человеческой — это была сила, способная стереть целую жизнь одним жестом... Оно не было просто врагом, а настоящим бедствием.

Проходя мимо домов, где поселились беженцы, Дорн всё чаще задавался вопросом — "Как? Как можно было разрушить всё это ради простой забавы? Почему Игрок, обладая такой силой, не выбрал мир и компромисс? Что заставило его поверить, что разрушение — это игра?"

Он вспоминал слова Лайи, её горькую усмешку и то, как она произнесла это имя — Грок. Ему казалось, что с этим словом вырвалась вся боль и отчаяние, что она хранила в себе. "Игрок... Грок..." — повторял Дорн про себя, пытаясь понять, что это за человек. Или это вовсе не человек? Возможно, это существо, которое видит мир не так, как они. Он пытался найти объяснение, но всё его знание о жизни и людях не помогало. Как можно было уничтожать, не видя сопротивления? Как можно уничтожать, не чувствуя ничего?

"Это ад для всех... и рай для одного", — подумал он однажды, наблюдая за измождёнными беженцами, которые словно в тумане пытались вернуться к жизни. Их лица были печальны, а движения механичны, как у людей, которые видели слишком многое, чтобы бояться смерти. Дорн всё больше убеждался, что проблема была не только в могуществе Грока, а в его восприятии мира. Он видел этот мир как игру, как песочницу, где каждый житель — не человек, а лишь элемент, с которым можно делать что угодно. Лишённый морали и сопереживания, Грок разрушал не потому, что был вынужден, а потому, что это было для него развлечением.

Но несмотря на все рассказы и страхи, Дорн продолжал надеяться на силу разума. Он решил для себя, что если Грок когда-нибудь появится в их деревне, он постарается найти с ним общий язык. Дорн верил, что всегда можно найти компромисс, что диалог может стать мостом между конфликтующими сторонами.

Однажды вечером, за ужином, его жена Мара, которая не могла больше молчать, первой заговорила. Её голос дрожал от беспокойства, и её глаза выражали отчаяние, которое она пыталась скрыть за твёрдостью.

— Дорн, ты слышал их рассказы, — начала она. — Этот Грок — он не человек. Он чудовище. Ты не можешь с ним говорить, как с обычным человеком. Это бесполезно! Ты не сможешь его остановить словами.

Мара нервно положила руки на стол, её пальцы дрожали. Она видела, как этот человек разрушил целую деревню ради собственного удовольствия, и её сердце было полно страха за их будущее.

Дочь, Элия, сидевшая рядом, сжалась на своём стуле. Её голос был тихим, но полным той же тревоги:

— Отец, ты сам говорил, что он уничтожил деревню просто ради "веселья". Как можно говорить с таким человеком? Что если он придёт сюда и просто решит, что мы — его следующая игрушка?

Элия помнит те рассказы, как слова бывших жителей Лирвельда, не могли быть проронены, их охватывал ужас и тревога, даже после произошедшего. После того, как один из тех мальчишек поведал, кто такой Грок, и то, как он беспринципно угрожал его отцу... Возвращаясь в комнату, она не смогла прикоснуться к куклам, которые дарил ей отец.

Дорн молча выслушал их. Он понимал их страхи, потому что чувствовал то же самое. Но в его сердце жила вера — вера в разум и в силу диалога. Эта вера была тем, что всегда двигало его вперёд.

— Мара, Элия, — начал он, стараясь говорить мягко, но твёрдо. — Я понимаю ваши опасения. И поверьте, я чувствую тот же страх, что и вы. Но мы не можем просто сидеть и ждать, пока этот монстр придёт и уничтожит всё, что у нас есть. Мы должны попытаться. Если никто не попытается с ним поговорить, он продолжит делать то, что делает. Может быть, никто никогда не пытался объяснить ему, что за жизнями этих людей стоит нечто большее. Я знаю, он опасен. Но диалог — это единственное, что может нас спасти. И если мне выпадет шанс поговорить с ним, я сделаю это.

Его слова были полны решимости, и в его голосе звучала убеждённость человека, который верит, что всё можно изменить. Но в глазах его семьи всё ещё горел страх. Мара, с трудом сдерживая слёзы, тихо произнесла.

— Но что если он не станет слушать? Что если он решит, что твои слова — это просто ещё один повод для насмешек? — её глаза бегали в опаске. Вздохнув, она тихо договорила — Что если ты не вернёшься?..

Дорн подошёл к жене, опустился на колено рядом с ней и положил руку ей на плечо, глядя ей прямо в глаза.

— Я должен попробовать, Мара, — сказал он тихо, но твёрдо. — Если никто не попытается, он продолжит разрушать всё на своём пути. Я не могу жить в страхе, что завтра наш дом будет следующим. И я не позволю вам жить в этом страхе.

Мара ничего не ответила. Она знала, что уже не сможет переубедить мужа.